Историко-философский ежегодник
2025. Т. 40. С. 222–261
УДК 1(091)

History of Philosophy Yearbook
2025, vol. 40, pp. 222–261
DOI: https://doi.org/10.21146/0134-8655-2025-40-222-261

Н.В. Мотрошилова как учитель: лекции по «Феноменологии духа» Гегеля 2014 года

Е.С. Марчукова
Институт философии РАН
109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия
marchukova.iph@gmail.com

Аннотация. Вниманию читателя предлагаются вторая и третья лекции по «Феноменологии духа» Гегеля, прочитанные выдающимся российским философом Нелли Васильевной Мотрошиловой весной 2014 г. в ГАУГН. Большое внимание в лекциях уделяется ключевым темам знаменитого гегелевского Предисловия к «Феноменологии духа»: становлению знания, понятию Bildung, системности и научности философии, пониманию субстанции как субъекта. Особый акцент делается на новаторском характере «Феноменологии» как произведения, в котором философские абстракции («гештальты духа») как бы оживают, обретают историческую и социальную плоть и вступают в драматический диалог друг с другом. Лекции предваряет мемориальный очерк, написанный ученицей Нелли Васильевны. Опубликованные воспоминания добавляют важные штрихи к портрету Мотрошиловой, раскрывают значение важнейшего для нее в последние годы жизни понятия «объективные связи» и показывают, как такие связи формируют сообщество (в том числе философское), объединенное не формальными рамками, а духовной и интеллектуальной близостью.

Ключевые слова: Н.В. Мотрошилова, Гегель, Феноменология духа, история философии, немецкий идеализм, Bildung, образ являющегося духа, гештальты сознания

© Марчукова Е.С., 2025

Для цитирования: Марчукова, Е.С. «Н.В. Мотрошилова как учитель: лекции по “Феноменологии духа” Гегеля 2014 года». *Историко-философский ежегодник* 40 (2025): 222–261.

Поступила в редакцию: 22.08.25
Принята к публикации: 14.10.25

Nelly Motroshilova as a Teacher: the 2014 Lectures on Hegel’s *Phenomenology of Spirit*

Ekaterina S. Marchukova
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
109240, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, Russia
marchukova.iph@gmail.com

Abstract. The reader is presented with the second and third lectures on the *Phenomenology of the Spirit* by Hegel, delivered by the outstanding Russian philosopher Nelly Vasilyevna Motroshilova in the spring of 2014 at the State Academic University for the Humanities. Much attention in the lectures is paid to the key topics of the famous Hegelian Preface to the *Phenomenology of Spirit*: the formation of knowledge, the concept of *Bildung*, the systematic and scientific nature of philosophy, and the understanding of substance as a subject. Special emphasis is placed on the innovative nature of the *Phenomenology* as a work in which philosophical abstractions (“*Gestalten des Geistes*”) come to life, take on historical and social flesh, and engage in dramatic dialogue with each other. The lecture is preceded by a memorial essay written by a student of Nelly Vasilyevna. The published memoirs add important touches to the portrait of Motroshilova, reveal the importance of the concept of “objective connections,” which was important for her in the last years of her life, and show how such connections (including philosophical ones) form a community united not by formal frameworks, but by spiritual and intellectual closeness.

Keywords: Nelly Motroshilova, Hegel, *Phenomenology of Spirit*, history of philosophy, German idealism, *Bildung*, the image of the appearing spirit

For citation: Marchukova, Ekaterina S. “Nelly Motroshilova as a Teacher: the 2014 Lectures on Hegel’s *Phenomenology of Spirit*.” *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 40 (2025): 222–261 (in Russian).

Received: 22.08.25
Accepted: 14.10.25

Прошло уже более четырех лет с того дня, когда не стало Нелли Васильевны Мотрошиловой. За это время было немало написано и сказано об этой удивительной женщине – памяти Нелли Васильевны[1] посвящены статьи в научных журналах, конференции, семинары, множество постов в блогах и социальных сетях. Однако моего отклика до сих пор не было в публичном пространстве. Признаюсь, что и этот текст, как, впрочем, и работа над лекциями Нелли Васильевны, по ряду причин дались мне с большим трудом.

О Нелли Васильевне в самом деле можно говорить очень много: о ее научном мужестве и смелости, о потрясающей интеллектуальной интуиции, о стойкости и жестком следовании принципам, о бескомпромиссности в работе, о ее требовательности к себе и коллегам, о гибкости и мудрости, о преданности в служении философии, о невероятном усердии и трудолюбии, о широте ее научных (и не только) интересов, о ее знании иностранных языков и мастерстве перевода, о ее чувстве юмора, о том, какой она друг, какая женщина, какой учитель и наставник, о ее вере в учеников… но сказанного всегда будет недостаточно. Вероятно, в этом состоит отличительная особенность людей подобной величины – что бы и сколько бы о них ни было сказано, этого всегда будет слишком мало. Это одна из трудностей, способная сильно оттянуть момент завершения всякой

[1] В разных источниках можно обнаружить два варианта написания имени Мотрошиловой – «Нелли» и «Неля». В ее паспорте указано имя «Неля», поэтому во всех официальных документах нужно было соблюдать эту форму. Однако сама Нелли Васильевна предпочитала вариант «Нелли», поэтому в личной переписке коллеги и друзья часто обращались к ней именно таким образом, а имя «Нелли» переходило и в их научные работы.

мемориальной статьи, посвященной Нелли Васильевне Мотрошиловой. В рамках этого очерка я не претендую не только на исчерпывающее перечисление заслуг, достижений и достоинств Нелли Васильевны, но также не смогу во всей полноте выразить и собственных к ней чувств, которые выходят далеко за пределы отношений учителя и ученика.

Другая трудность для меня заключается в том, что я не могу говорить о Нелли Васильевне только как об учителе, потому что для меня она была и всегда будет больше чем учитель. А при попытке публично выразить глубоко личные переживания, как известно, с одной стороны, всегда боишься сказать что-то лишнее, а с другой – недосказать что-то важное. Но вовсе не сказать ничего было бы категорически неправильно. Одним словом, я очень рада, что благодаря этому специальному выпуску «Историко-философского ежегодника», посвященному памяти Н.В. Мотрошиловой, я имею возможность написать о Нелли Васильевне в той форме, которую считаю приемлемой для себя на сегодняшний день.

Имея возможность написать о Нелли Васильевне, мне не хотелось бы повторяться, рассказывая о ее научных интересах, открытиях в профессиональной деятельности, богатейшем творческом наследии, о наградах и о признании на мировом уровне – об этом и не только уже много сказано, в том числе в настоящем номере «Ежегодника». Мне бы хотелось поделиться опытом личного общения с Нелли Васильевной и таким образом, с одной стороны, добавить для читателя несколько штрихов к ее портрету, а с другой – оживить ее образ в своей душе и переосмыслить значение в своей жизни установившейся между нами *особой* связи.

Я не случайно употребляю здесь словосочетание «особые связи». Нелли Васильевна в последний год жизни часто говорила о таких особых связях между людьми, она называла их *объективными*. В этой статье я не раз буду возвращаться к понятию «объективных связей», однако не с тем, чтобы ввести его в научный оборот, а с целью побудить читателей к размышлению об этом понятии и о том, что оно может означать в их жизни. Нелли Васильевну на размышления об «объективных связях» сподвигла ситуация всеобщей изоляции, когда весь мир пережи-

вал пандемию коронавирусной инфекции. В то время мы с Нелли Васильевной почти каждый день говорили по телефону.

Сделаю небольшое отступление: при звонке Нелли Васильевне на мобильный телефон во время ожидания ответа человек слушал не монотонные гудки, а… «Танец маленьких лебедей». Особенно забавно было слышать этот фрагмент из балета Петра Ильича в ожидании серьезного и непростого разговора: в течение десятисекундного прослушивания таких «гудков» волнение отступало, а после неповторимого делови-то-кокетливого «Алло!» – первоначальное беспокойство исчезало вовсе, уступая место легкой радости и решительной собранности; будто в самом голосе Нелли Васильевны, в ее интонации было что-то такое, что моментально могло вернуть даже самому робкому собеседнику присутствие духа, подарить надежду и вдохновение.

Так вот во время одного из наших телефонных разговоров Нелли Васильевна поделилась таким переживанием: когда-то давно во время одной из своих заграничных командировок она познакомилась с одной дамой. (Ее имени, к сожалению, я не запомнила, но в этой истории важно другое.) Дама эта была немкой, она не имела никакого отношения к философии, как и вообще к миру науки. Одним словом, профессиональная деятельность никак не могла связывать двух женщин – это было просто приятное знакомство, одна или две дружеские встречи и пара добрых бесед. И Нелли Васильевна сказала тогда (повторю, что это было во время пандемии, когда люди были охвачены всеобщим беспокойством за себя, своих родных, друзей и близких), что неожиданно для себя она вспомнила ту самую женщину, которую не видела уже, наверное, больше двадцати лет, и думает о ней уже много дней: жива ли, здорова ли она, здоровы ли ее супруг и дети, что с ней сейчас происходит, какая у нее жизнь, помнит ли она их давнюю встречу… Конечно, узнать об этом, как-то связавшись с той дамой, не было никакой возможности. Но для Нелли Васильевны была важна также и сама природа этих размышлений – что это? О чём говорит и что значит это неожиданное воспоминание и искреннее переживание за, казалось бы, случайного в твоей жизни человека, которого, по существу, ты совсем не знаешь?

Наш разговор был долгим. Тогда я сказала Нелли Васильевне, что многие люди думают сейчас подобным образом и о ней самой, в том числе те, с которыми она не знакома лично. Я сказала это с уверенностью, поскольку знаю этих конкретных людей, а таких случаев, несомненно, в разы больше. На этом очень жизненном примере Нелли Васильевна объяснила, что она подразумевает под объективными связями между людьми. И я согласна, что эти связи *есть*, и они имеют силу и значение.

Ярким примером таких объективных связей являются отношения учеников Нелли Васильевны. В мемориальной статье, предваряющей публикацию «Лекции первой» – а всего в нашем распоряжении имеется три лекции Мотрошиловой по «Феноменологии духа» Гегеля, прочитанные весной 2014 г. на философском факультете ГАУГН в рамках курса по истории западной философии; первая опубликована в журнале «Вопросы философии»[2], две другие представлены в настоящем номере «Ежегодника», – кратко, но очень точно описано, что именно представляет собой эта связь, объединяющая в одно сообщество учеников Нелли Васильевны разных поколений, занимающихся разными темами и работающих в разных институциях и странах. Это сообщество – не отдельная философская школа, но именно содружество, уникальный союз людей, связанных особыми отношениями с Нелли Васильевной и памятью о ней. Не все ученики Мотрошиловой знакомы друг с другом лично, но это обстоятельство никоим образом не делает их связь менее прочной или вовсе не существующей. Например, при подготовке этого номера «Ежегодника» я впервые связалась с профессором Майей Кулэ, одной из первых учениц Мотрошиловой (сейчас она директор Института социологии и философии Латвийского университета), с приглашением принять участие в настоящем выпуске. Я, конечно, знала о ней по рассказам Нелли Васильевны, но познакомиться лично или вести с ней переписку мне раньше не доводилось; а о моем существовании она, полагаю, и вовсе не догадывалась. Но я очень быстро получила ответ;

[2] Н.В. Мотрошилова, «Гегель, “Феноменология духа”. Лекция первая», *Вопросы философии*, № 2, (2022): 13–24.

по определенным причинам она не могла написать статью в этот номер, но была искренне рада, что такой мемориальный выпуск «Ежегодника» состоится. Кроме того, она поделилась своими воспоминаниями о работе с Нелли Васильевной с таким теплом и легкостью, будто мы с ней знакомы много лет! Это письмо явилось примером не установления новой связи, но обнаружения уже имевшейся.

Поскольку мне также посчастливилось быть в числе учеников Нелли Васильевны, я имею возможность и хочу поделиться тем, каково это – проходить путь профессионального становления под крылом такого человека, и какое значение имеет этот опыт не только для последующей научной деятельности, но и для всей дальнейшей жизни. Об истории нашего знакомства и некоторых аспектах совместной работы я уже кратко писала в сборнике «Философские поколения»[3]; здесь я не буду повторяться и раскрою пару других примечательных моментов, которые высвечивают особые грани личности Н.В. Мотрошиловой.

Нелли Васильевна очень любила своих учеников – не просто ценила их, гордилась и дорожила ими, а именно любила. Эта любовь проявлялась во всём: в заинтересованном взгляде, в словах и интонациях, в безграничном доверии; в отношении к ученику не только как к подопечному, а именно как к человеку со своим характером, сильными сторонами и слабостями, с особым образом мышления и спецификой работы, со своими жизненными обстоятельствами и привычками; в готовности выслушать, в серьезном отношении к любым идеям и предложениям ученика; в отведении огромного количества времени для совместной работы (нередко в ущерб собственным исследованиям и отдыху); в переживании любого промаха ученика как своего собственного и в огромной неподдельной радости его успехам и достижениям. Но главное (по крайней мере, главное для меня в отношениях учителя и ученика) – это бесконечная непоколебимая вера в ученика.

[3] Е.С. Марчукова, «Размышления о философском поколении как вид духовной практики», в *Философские поколения* (М.: Языки славянской культуры, 2022), 1178–1186.

Признаюсь, что до встречи с Нелли Васильевной мне не приходилось испытывать такого чувства, когда в тебя верят всем сердцем, безусловно, безоговорочно, во что бы то ни стало. Такая вера многое меняет в человеке, она меняет его жизнь. Именно такая вера должна быть в основе отношений учителя и ученика. Я говорю это без какого-либо преувеличения. Последний год жизни Нелли Васильевны, когда она тяжело болела, совпал с заключительным периодом подготовки моего диссертационного исследования. Это было критически трудное для меня время. Сейчас, по прошествии нескольких лет, полагаю, что я не смогла бы довести до завершения и защитить диссертацию, если бы не вера Нелли Васильевны. Именно она и стала для меня тогда главным и единственным двигателем работы – я могла сомневаться в себе сколько угодно, но не могла сомневаться в вере Нелли Васильевны. И всё получилось. Эта вера – одна из основ нашей с Нелли Васильевной «объективной связи».

Чтобы добавить еще один штрих к портрету Мотрошиловой, поделюсь одним эпизодом, на первый взгляд, случаем обыденным и незначительным, но на самом деле чрезвычайно важным и существенным, а для меня лично – особо дорогим. После продолжительного обсуждения рабочих вопросов в кабинете Нелли Васильевны у нее дома, за ужином – к слову, Нелли Васильевна никогда не отпускала гостей голодными, будь то дружеский или деловой визит, – мы заговорили о музыке. К моему удивлению, Нелли Васильевна рассказала, что в детстве она училась в музыкальной школе и довольно хорошо играла на фортепиано; однако по некоторым личным обстоятельствам была вынуждена оставить занятия, несмотря на большую любовь к музыке. Это стало для Нелли Васильевны большой драмой, и с тех пор ей так и не удалось вернуться в музыкальный мир, к ее глубокому сожалению. В свою очередь я рассказала, что тоже училась в музыкальной школе и что на днях как раз собиралась навестить свою первую учительницу музыки. Ее звали Валентина Сергеевна Спивак. Я рассказала о ней, о том, какой огромный и прекрасный мир она подарила мне, в то время маленькому шестилетнему ребенку, всего за один год (Валентина Сергеевна тогда тяжело заболела

и больше не могла работать). Нелли Васильевна внимательно слушала, а потом неожиданно сказала, что хочет написать ей письмо. В тот же вечер письмо было написано – с благодарностью и огромной любовью Нелли Васильевна передала послание человеку, которого не знала и никогда не видела, но который стал для нее очень важен. Это письмо от Учителя к Учителю – самое ценное, что я могла привезти Валентине Сергеевне спустя 20 лет. И это тоже была объективная связь – две женщины, два Учителя поняли друг друга без единой встречи. Через полгода после моего визита Валентины Сергеевны не стало… Я всегда буду благодарна Нелли Васильевне за этот поступок.

Я благодарна Нелли Васильевне за многое, она была и остается для меня любимым человеком, примером и эталоном мудрости, человечности, духовной силы и стойкости, честности с самим собой и интеллектуальной щедрости. Наша объективная связь не оборвалась с ее уходом, она крепнет всякий раз, когда я думаю о Нелли Васильевне, и этот дар я пронесу через всю жизнь.

Теперь нужно сказать несколько слов и о том, что Нелли Васильевна, помимо прочих талантов, была выдающимся лектором. Не всякий первоклассный исследователь обладает также даром преподавателя. Нелли Васильевна же в равной степени блестяще проявляла себя и в качестве кабинетного ученого, и в роли профессора. Побывать на ее лекциях мне посчастливилось в качестве вольного слушателя в 2017 г. на философском факультете ГАУГН. К своему большому удивлению, я воспринимала, казалось бы, давно изученный и хорошо известный материал совершенно по-новому, словно я впервые слышала о Гегеле! Нужно отметить, что и в жизни, и в научных работах, и на лекциях Нелли Васильевна умела очень просто и ясно говорить о предельно трудных для постижения вещах, разъясняя и растолковывая каждое понятие и каждый нюанс и уделяя особое внимание социально-культурному и историческому контексту. Нелли Васильевна настаивала на важности контекста и жизненных обстоятельств, в которых творил философ, ведь – как она неоднократно повторяла – философ «не падает с Луны», он живет в этом мире, в конкретный исторический период,

в определенных условиях и т.д. Мотрошилова и к героям своих исследований относилась не как к бездушным носителям определенных идей, будто застывшим памятникам, но в первую очередь как к живым людям. И это отношение было очень хорошо ощутимо на лекциях. Нелли Васильевна рассказывала о Гегеле так живо, ярко и увлекательно, что студент мог забыть, что сидит за партой в аудитории, и почувствовать себя героем истории: вот он вместе с Гегелем, Шеллингом и Гёльдерлином в Штифте, а вот он уже беседует с Гёте…

Тогда мы слушали лекции вместе с Наталией Татаренко – еще одной аспиранткой Нелли Васильевны, которой та очень гордилась. В 2013 г. Наталия Анатольевна блестяще защитила кандидатскую диссертацию на тему «Тезис Гегеля о конце искусства и его трактовка в современной философии». Когда Нелли Васильевна рассказывала об обстоятельствах этой защиты, она с улыбкой вспоминала, что главная трудность была вовсе не в диссертационном исследовании как таковом, а в поиске оппонентов – настолько специфична и оригинальна была тема работы, и Наталия Татаренко является едва ли не единственным в этой области гегелеведения специалистом. Опубликованные ниже лекции 2014 г. записаны как раз Наталией Анатольевной, а мне, в свою очередь, довелось готовить их к печати.

Подготовка лекций к публикации также сопровождалась рядом трудностей. С одной стороны, текст расшифровки аудиозаписи лекций являет собой всё-таки разговорную речь, которую необходимо привести в соответствующую письменную форму. С другой – я специально старалась сохранить особый стиль повествования, в котором при чтении угадывались бы интонации Нелли Васильевны и ее неповторимый слог, хорошо знакомый ученикам и узнаваемый всеми, кто слушал ее лекции и выступления или имел счастье беседовать с ней на философские и не только темы. Кроме того, при внесении каких-либо правок, пусть и незначительных, по сути, в речь самой Мотрошиловой меня сопровождало чувство глубокой тоски и какой-то неправильности происходящего, словно всё должно быть подругому – ведь это Нелли Васильевна могла править мои тексты, а не наоборот.

Н.В. Мотрошилова

Гегель, «Феноменология духа». Лекция вторая

Предисловие к «Феноменологии духа» написано после того, как основной текст книги был напечатан. Гегелеведы расценивают его не только как предисловие к произведению «Феноменология духа», но и как своего рода введение к дальнейшему развитию гегелевской философии. Этот сравнительно небольшой документ очень ценный.

Прежде всего, хочу обратить ваше внимание на эту книгу в черном переплете – «Феноменология духа» в переводе Густава Шпета[4]. Этот перевод до сих пор не подвергался никакому редактированию и изменению. Я мечтаю, чтобы в российской философии появились такие специалисты, которые могли бы сделать с «Феноменологией духа» то, что мы с коллегами сделали в двуязычном издании Канта[5], а именно: вновь прочитать этот текст, проработать, строчка за строчкой, немецкий оригинал и русский перевод, оценить, что в нём подлежит обновлению, а что необходимо сохранить, и предложить – обязательно с обоснованием – какие-то изменения в переводе гегелевского текста.

Это необычайно сложная задача. Иногда прекрасно понимаешь, что имеющийся перевод не годится, но вместе с тем оказывается, что в нём очень трудно что-то изменить, предложить действительно адекватный вариант. Именно так обстоит дело с переводом «Феноменологии духа». У меня есть напечатанное на разных языках размышление[6] над тем, как переводятся и как

---

[4] Георг Вильгельм Фридрих Гегель, *Феноменология духа*, пер. Г.Г. Шпета (М.: Соцэкгиз, 1959).

[5] Иммануил Кант, *Сочинения на немецком и русском языках*, под ред. Н.В. Мотрошиловой и Буркхарда Тушлинга, 5 т. (М.: Ками; Наука; Московский философский фонд; Канон+, 1993–2019).

[6] См., например: Н.В. Мотрошилова, «“Феномен”, “явление” и “гештальт”: терминологические и содержательные проблемы “Феноменологии духа” Гегеля в соотнесении с философией Канта», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под ред. Н.В. Мотрошиловой (М.: Канон+, 2010).

© Мотрошилова Н.В., 2025

фигурируют и в «Феноменологии духа», и у Канта такие понятия, как Erscheinung (явление, проявление), Phenomen (этого понятия в тексте «Феноменологии духа» нет, но оно часто предлагается в метатекстах – иными словами, предлагается поставить туда «феномен») и Gestalt. Например, я не уверена, что можно адекватно перевести термин Gestalt. Я бы предложила сохранить его в оригинальном написании. Трудность в том, что перевод термина может быть только одним словом или, скажем, двумя словами (например, Dasein – наличное бытие). Но перевод не может быть толкованием. Несмотря на всю неудовлетворенность создавшимся положением, для переводчика иногда возможен лишь один выход: либо сохранить имеющийся, старый перевод, но с внесением многочисленных примечаний, либо заменить его, но с полным обоснованием.

Тем, кто хочет заняться «Феноменологией духа» более глубоко, рекомендую издание 2000 г.[7] Здесь сохранен перевод Шпета, но есть и кое-что новое. Это издание выпустила моя ученица Марина Фёдоровна Быкова, сейчас она профессор американского университета в Северной Каролине. (У меня много прекрасных учеников, и среди них две блестящие ученицы. Сейчас они очень зрелые мастера своего дела – это Марина Фёдоровна Быкова и Юлия Вадимовна Синеокая[*].) Так вот, что сделала Марина Быкова? Она перевела и добавила к переводу Шпета дополненные и расширенные с учетом новейших материалов по философии Гегеля примечания из девятого тома[8] немецкого, гамбургского, издания, которое сегодня считается классическим. Поэтому здесь, именно в этом издании, становится видно, что, собственно, «стоит за кадром».

---

[7] Георг Вильгельм Фридрих Гегель, *Феноменология духа*, пер. Г.Г. Шпета, под ред. М.Ф. Быковой (М.: Наука, 2000); см. в этом издании примечания М.Ф. Быковой: 411–452; статья М.Ф. Быковой: 453–485.

[*] Признана иностранным агентом Министерством юстиции Российской Федерации.

[8] Georg Wilhelm Friedrich Hegel, «Phänomenologie des Geistes», in *Gesammelte Werke*, Bd. 9, hrsg. Wolfgang Bonsiepen und Reinhard Heede (Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1980).

Немцы всегда дают очень солидную историко-философскую основу, и тем, кто хочет глубже вникнуть в текст «Феноменологии», я рекомендую обращаться к примечаниям. Дело в том, что в «Феноменологии духа» очень многое Гегелем зашифровано. Он рассчитывал на то, что написанное (подразумеваемое, но не разъясненное) всё равно понятно. Иногда намеки довольно прозрачные, но всё требует расшифровки. Расшифровка дается именно в издании, куда Марина Фёдоровна добавила перевод примечаний, а также свою прекрасную заключительную статью, в которой предпринимается попытка новой интерпретации «Феноменологии духа». Советую тем, кто хочет глубоко вникнуть в этот текст, пользоваться изданием 2000 г. Ну и, конечно, снова рекомендую свою книгу[9].

Сейчас я предлагаю вам свое резюме, которое называется «Основные темы и идеи предисловия к “Феноменологии духа” Гегеля». Какие там есть проблемы? Какие есть формулировки, которые обозначают тему – тему, требующую расшифровки?

Первое, на что важно обратить внимание, Гегель постулирует: нужно брать *результат только вместе с его становлением*. В философии часто этого не делают, а просто говорят: «надо сделать так» или «надо толковать таким образом», а почему – не объясняют. Гегель же настаивает, что, если вы имеете дело с каким-нибудь философским результатом, необходимо показать путь, который к нему привел. В «Феноменологии духа» возникает и раскрывается тема становления знания и науки как философская проблема.

Во-вторых, Гегель на очень большую высоту поднимает понятие самого понятия – *понятие «понятия» и движение к понятию*. Что такое движение к понятию? Согласно Гегелю, движение к понятию – это и есть сам процесс познания, увенчивающийся общезначимыми научными результатами; это образование, усвоение знаний; это также и самопознание, процесс формирования индивидом себя самого как личности. Взятое вместе, всё это получило совокупное название Bildung. Классический перевод этого понятия – «образование» (например,

[9] Н.В. Мотрошилова, ред., *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения* (М.: Канон+, 2010).

система школьного образования, университетское образование и т.д.). Для Гегеля, как и для всей немецкой классической философии (кантовской, гегелевской, шеллинговской, фихтевской и для других мыслителей этого времени), Bildung – это центральное понятие, святое понятие. Под Bildung понимают и систему образования, и образование как систему усвоения знаний и выработки новых знаний, и, наконец, формирование индивидуумом самого себя. В этой книге[10] можно посмотреть, как расшифровывалась проблематика Bildung. Здесь также есть замечательная статья Биргит Зандкаулен (тоже моей большой подруги, сейчас она работает в Бохуме) «Гегелевская концепция Bildung в "Феноменологии духа"»[11].

Третий аспект, на который важно обратить внимание, – это *система философии*, системность как истинная форма философии, а также **четвертый** – *научность философии* и задача ее возведения в ранг науки. Здесь очень важную роль играет (мы это увидим в Vorrede) размежевание этой точки зрения с философией того времени. Гегель пробивался через настоящую чащу всяких размышлений о философии, норовивших, так сказать, разбавить систему ее научности, как бы отмежевать философию от науки. Вопросы, вокруг которых разворачивалась полемика, были правильные: может быть, у философии есть какой-то специфический предмет; может быть, философия должна специальным образом осмыслять свои сюжеты; может быть, не понятие – стихия философии, а, скажем, созерцание (такова была, например, шеллинговская линия). Гегель дает бой не столько самому Шеллингу – своему другу и наставнику Йенского периода, – но самым различным направлениям тогдашней философии. В примечаниях, которые перевела Марина Фёдоровна, подробно рассказывается о тех людях (сейчас их имена уже почти никто не знает; мало кто занимается этой

[10] Н.В. Мотрошилова, «Предисловие», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под ред. Н.В. Мотрошиловой (М.: Канон+, 2010), 24–28.

[11] Биргит Зандкаулен, «Гегелевская концепция Bildung в "Феноменологии духа"», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под ред. Н.В. Мотрошиловой (М.: Канон+, 2010).

темой, кроме серьезных знатоков немецкой культуры и развития философии). Гегель собирает обвинения, которые он высказывал в Йенский период, – всё, что он писал в «Критическом журнале философии», всё, что он писал, например, против фихтеанцев в защиту Шеллинга, – одним словом, Гегель в краткой, сжатой форме как бы производит суд над современной ему философией.

Как сохранить научность философии? – просто избавить ее от выспренной болтовни, от рассуждений о святости, от всяких фигур речи. В философию всегда приходят люди, которые любят высокопарные рассуждения. Это вечная проблема, это происходит во все эпохи. И Гегель боролся со своими современниками, которые, как казалось ему, занимаются подобной болтовней; ему было очень важно, чтобы философия заслуживала своего статуса, своего названия. Не всякий краснобай, болтун – и хотя бы этот болтун был очень красноречивый – имеет право говорить от философии и за философию. Я думаю, что Гегель тысячу раз сказал бы «я прав», если бы узнал о существовании блогов и блогеров и о том, какие бывают болтуны в блогах. Это незнакомое ему явление он как будто предсказал. Вообще Гегель очень многое предсказал именно потому, что проникал в суть дела.

Пятый пункт – еще одна очень важная, раскрытая в предисловии тема: *понимание субстанции как субъекта*. Позже я ее поясню.

Шестое. Цитирую Гегеля: «Абсолютное – это *дух, самое возвышенное понятие Нового времени*». Гегель хочет выяснить, что можно говорить о теме и понятии духа (Geist); в предисловии он дает предварительное разъяснение.

Седьмое. От проблемы духа Гегель переходит к *вопросу о знании* (Wissen), теории знания и познания, теории, которая имеет отношение к науке (Wissenschaft). Здесь важно отметить, что Wissenschaft с немецкого переводится как «наука», но в корне находится Wissen, то есть Wissenschaft – это «знание о знании», это то, что знание объединяет.

Здесь обнаруживается еще одна, **восьмая**, тема: *индивид и наука*. Эта тема очень важная. В «Феноменологии духа» разворачивается подлинная драма, которая срывает все благостные

предположения, будто индивид сидит и ждет, чтобы наука его просветила. Гегель показывает, какие отношения недоверия, взаимонепонимания (если даже не ненависти) существуют между тем и другим полюсом – между индивидами вне науки и индивидами, которые делают науку и хотят научить людей. И это правдиво, реалистично и трансисторично. Благостная картина изображает, что индивид сидит в ожидании: «Дайте мне науку, я сейчас буду ею овладевать!». Гегель же настаивает, что отдельный индивид должен *по содержанию* пройти все ступени образования всеобщего духа, но пройти их как форму, уже оставленную духом, как этапы его уже разработанного и выровненного пути.

Между прочим, над этим замечанием следовало бы поразмыслить. А что такое просвещение, что такое образование? Возьмем, например, развитие физики – отдельные индивиды внесли свой вклад в эту дисциплину, они что-то сказали. Но движение на этом не останавливается, продолжается развитие, выравнивание пути – следующая эпоха говорит, что ранее физика заблуждалась, и заблуждалась в этом и в том. Так происходит выравнивание пути, и индивид должен пройти его целиком. Прохождение всех этапов пути – это и есть образование (в нашем примере это образование для тех людей, которые хотят понять физику); а моменты, станции этого пути, гештальты – это то, что может разъяснить философия в некотором абстрактном, но очень жизненном виде.

Девятый пункт: *новая наука феноменология* и *«стихия непосредственного наличного бытия духа»* (это гегелевские слова). Что значит «стихия непосредственного наличного бытия духа»? Дух – это обобщенное понятие; здесь есть важный вопрос: не понимал ли сам Гегель понятие «дух» не то чтобы грубо, но всё-таки прямолинейно – как нечто, что где-то и когда-то особо существует, в какой-то форме есть и будто бы само по себе развивается? Этот вопрос очень трудный, он ведет нас к пониманию зрелой философии Гегеля. Вопрос этот можно сформулировать проще: гегелевское учение о духе – это идеализм? Если да, то идеализм объективный? Мы увидим, что Гегель действительно придерживался именно такой позиции. Гегель – один из представителей, на мой взгляд,

хорошо обоснованного, то есть на многих корнях вырастающего, но тем не менее требующего корректировки объективного идеализма.

Итак, мы имеем дух, и дух как существующий, и не просто существующий вне индивида, а дух, который *существует* вне. Но как это философски осмысливать? Религиозная философия предлагает одно решение, обязательно с участием Бога и с разной причастностью человека – и разумной, и греховной – к тому, что божественный дух как бы диктует. А светская философия (чем дальше, тем больше) пытается осмыслить это на секуляризированном пути, то есть не чисто религиозно.

Есть философы, большие великие философы, которые пытаются соединить и то, и другое: и религиозность философии, и ее научность. И Гегель предпринимает свою собственную попытку. Но его философия – я покажу это на других текстах, на других цитатах из Гегеля – с начала и до конца религиозная, философия, где некоему божественному духу обязательно отводится свое место.

«Феноменология духа» – особое произведение. Здесь предполагается показать, что индивид в своем движении к науке не останавливается, скажем, на искусстве или на чисто теологическом толковании Бога. По Гегелю, всё это лишь этапы развития Абсолютного духа, который движется по каким-то ступеням и в конечном итоге обретает высшую форму своего осмысления. Удивительно, что этой высшей формой, высшей ступенью развития Абсолютного духа признаётся всё-таки философия. Это будет предполагаться в «Феноменологии духа» и во всей системе Гегеля.

* * *

Теперь я хочу в пределах очень небольшого времени, которое нам осталось, пройтись по тексту Vorrede с пояснениями, как все эти обозначенные темы в нём присутствуют.

В тексте предисловия имеются подзаголовки. Имейте в виду, что эти подзаголовки не гегелевские. Их добавил Георг Лассон, когда издавал текст «Феноменологии духа». Лассон полагал (и правильно полагал), что подзаголовки немного помогут

структурировать текст (поскольку текст был сплошной) и его легче будет читать.

Первый подзаголовок предисловия такой: «Научная задача нашего времени. Истина как научная система». Призываю вас обдумать, почему Гегель считал, что теперь нужна уже системная философия. В развитой гегелевской философии слово «система» будет подразумевать весьма многое – и некоторую целостность, и некоторую структурированность. Но главное – именно целостность. Гегель полагает, что в философии должны появиться какие-то разделы, а те, кто изучает философию, – как бы примыкать к ее общему развитию. Гегель будет всю жизнь создавать и оттачивать свою систему, предлагая самые разные ее варианты. Здесь представлен еще не очень структурированный и не очень продуманный вариант – предполагается философия природы и философия духа, некоторое введение в систему; но пока система еще не разработана. Вы уже знаете, что системные наброски Гегель делал в других работах Йенского периода. С моей точки зрения, Гегель опробовал на роль основания системы самые разные варианты: и тот вариант, который он отверг, – когда вначале нужно рассмотреть собственно сознание; и тот вариант, который можно назвать социально-политическим, – когда на первый план выдвигались какие-то социально-политические реалии. Здесь же, в «Феноменологии духа», Гегель пока не предлагает какой-то определенный вариант системы.

Вся первая часть «Предисловия» посвящена обсуждению следующей проблемы: что означает системосозидание в философии? Один философ предлагает одну систему, другой – другую, и можно было бы считать, что нам предлагаются различные научные варианты. Но на самом деле это не так – нам лишь заявляют о чём-то, что-то постулируют, и не всегда это сопровождается убедительным разъяснением. Гегель высказывает такой тезис: результат должен представать вместе со становлением. Цель сама по себе – безжизненное всеобщее. Что здесь Гегель имеет в виду? Часто философы говорят: нам что-то *нужно*; предположим, *нужно* доказать, что существует Бог, – докажем, говорят они, существование, или бытие, Бога. Гегель не против того, чтобы кто-то выражал некоторую свою цель,

свою систему, свое требование. Но Гегель против того, чтобы это выражение превращалось в уверение: «Давайте это сделаем!». Прежде всего необходимо ответить на вопросы: а почему это *нужно* и *как* мы это сделаем? Вот что подразумевает Гегель, когда говорит, что развитие философского мышления – это результат *вместе* со становлением. Необходимо проследить за тем, как появилась та или иная мыслительная тенденция, почему она появилась, что в ней требует сохранения и что в ней может заслуживать отвержения.

Здесь было положено начало разрыву между Гегелем и Шеллингом. Шеллинг был другом Гегеля, Шеллинг привел его в Йену. Под руководством Шеллинга Гегель начал делать свои первые шаги («Различие между системами философии Фихте и Шеллинга»[12] – первое произведение Гегеля, прошеллинговское). И вдруг – такой удар по всей «команде» тех, кто вместе с Шеллингом выступал за то, чтобы на место понятия поместить созерцание, то есть свести всё к созерцанию (о том, почему и как они это делали, очень коротко и очень четко рассказано в примечаниях к Предисловию). Речь даже идет не о самом Шеллинге (у Шеллинга всегда было интересное обоснование для всякой своей идеи), а об эпигонах – в этой группе, например, тюбингенский теолог Эшенмайер, в известной степени задевается и Шлейермахер – все они довольно серьезные философы. Но Гегель не стал разбираться, кто из них более, а кто менее серьезный, а кто и вовсе болтун. Он считал, что всё это скучная видимость различия – одноцветный формализм.

Но стрела-то была направлена в главного, именно в того, кто породил эту тенденцию, – в Шеллинга. Доказано, что Шеллинг не читал «Феноменологию духа», но прочитал предисловие. И Шеллинг на всю жизнь обиделся на своего друга за то, что тот его не понял.

А прав будет тот историк философии, который хорошо изучит и то, и другое. Марина Фёдоровна знает и то, и другое. И вот вам читал лекции выдающийся современный шеллинговед Пётр

[12] Georg Wilhelm Friedrich Hegel, *Differenz des Fichte'schen und Schelling'schen Systems der Philosophie* (Jena: Akademische Buchhandlung bey Seidler, 1801).

Резвых (сейчас он в Мюнхене работает в группе, расшифровывающей новейшие рукописи Шеллинга) – так вот, он про то, что в этом сюжете важно и интересно, знает всё! Буду надеяться, что вы как-то усвоили им сказанное. По крайней мере, мы на экзаменах это проверим.

Я хотела бы, чтобы вы обратили внимание на понятия «субстанция» и «субъект». По мнению Гегеля (который должен быть оправдан не только изложением самой системы), всё дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как только субстанцию, но и равным образом как субъект. Это краткое и труднопонимаемое положение – одно из самых важных в немецкой классической философии. Здесь пролегает различие между той классической стадией философии, которая выразилась, например, в спинозизме, в спинозовском понимании субстанции, и пониманием субстанции после Спинозы. Гегель говорит, что спинозовское понимание Бога как единственной субстанции возмущало эпоху. Здесь смотрите примечание 12 в этой зеленой книге[13].

У Гегеля одно из самых важных и самых современных понятий в трактовке немецкой классической философии – это понятие субъективности (Subjektivität). Это понятие начинает свое движение в «Феноменологии духа». Если духовное мы понимаем только в субстанциональной форме, то есть в божественной, то мы делаем, согласно Гегелю, только часть дела. Отождествление субстанции с миром (что сделал пантеист Спиноза) – это интересное и по-своему значительное положение. Но Новое время, говорит Гегель, понимает субстанцию и как субъект. То есть дух должен приобрести деятельную, именно субъективную форму, когда он не просто залегает где-то в первооснове, но и толкает к самопознанию, к освоению самого этого духа. И этот тезис – понимание субстанции как субъекта – есть начало разработки той концепции субъективности, которая проходит через гегелевскую (и не только гегелевскую) философию. Фактически это одна из центральных тем в немецкой современной философии: как от этого положения – и многих других положений Гегеля – можно выйти на путь

[13] Гегель, *Феноменология духа* (2000), 414.

такой трактовки субъективности, в которой дух не остается где-то в виде божественного духа, заключенного в какой-то природе, а в которой дух перерастает в человеческую субъективность. И вот это очень важно: ошибочную субъективность, такую, у которой есть свои драмы, свои приключения и злоключения, но такую, которая дает толчок всему тому, что возвеличивает знание и науку. Этот процесс очень драматический.

Вот эта тема очень хорошо, я повторяю, разработана в немецкой философии XX в. В моей книге названы те люди, которые исследовали эту проблематику и тематику. Горжусь тем, что этих людей я хорошо знала и знаю тех, которые еще живы; некоторые из них – выдающиеся философы, такие как Дитер Хенрих, Клаус Дюзинг и многие другие. Они мои друзья. Это было большое жизненное везение с ними рано познакомиться и получать от них книги, общаться, коммуницировать…

Итак, в примечаниях очень хорошо сказано, как спинозизм осмысливался в современной Гегелю философии. Там были очень интересные оттенки. Но это частная, очень конкретная и специфическая историко-философская тема. А нам очень важно понять, как из этого тезиса Гегеля развивается проблематика субъективности. На этом я сейчас закончу.

Н.В. Мотрошилова

Гегель, «Феноменология духа». Лекция третья

Сегодня первая наша тема – это образ являющегося духа. Причем имеются в виду и некий единый, целостный образ, и все те малые образы, которые в понятие являющегося духа вливаются. За этим понятием кроется большое новшество, придающее оригинальный характер «Феноменологии духа». Начнем с того, что явление (Erscheinung) – это очень распространенное понятие немецкой философии. Оно широко употребляется и в философии Канта. Erscheinung буквально значит «явление», erscheint – «находит проявление, является». Между прочим, у Канта есть и слово «феномен», которое употребляется в совершенно особом смысле. Скажу кратко: у Канта это

означает, что является целостный предмет. Кантовское понятие «феномен» не совпадает с гегелевским. Как я уже говорила, этого понятия вообще нет в «Феноменологии духа». Так вот, у Канта и вообще в философии кантовского времени, если говорить очень грубо, не вникая в некоторые подробности, Erscheinung обозначает то, как выступает в сознании предмет: предмет является. Является он, прежде всего, по Канту, через чувственное познание. Этой теме посвящен первый раздел «Критики чистого разума» (Kritik der reinen Vernunft). «Учение о чувственности» – это такая классическая кантовская вещь, обобщающая при том целую эпоху, в которой Кант вырос и которую он, с одной стороны, впитал в себя, с другой стороны, преобразовал.

Понятие «являющегося духа» в «Феноменологии духа» существенным образом пересматривается. У Канта всё, что относится к знанию, к познанию и к предметной стороне познания, рассматривается в такой, можно сказать, теоретико-познавательной, логической, философско-логической части, в произведении, которое носит название «Критика чистого разума». А всё, что связано с практическим разумом, то есть уже с моралью, правом и в некотором виде философией истории, – всё это уже выносится в другие произведения: например, «Критика практического разума»[14] (Kritik der praktischen Vernunft), «Основоположение к метафизике нравов»[15] (Grundlegung zur Metaphysik der Sitten). У Канта как бы разделяется чистый, теоретический, в большей степени теоретико-познавательный, логически осмысляемый разум и общественная, социальная сторона реальности.

Вот в этом отношении «Феноменология духа» с самого начала взрывает парадигму кантовского времени. У Гегеля встречается понятие «образ являющегося духа»; предполагается, что нам является и проходит через чувственность (то есть мы что-то видим, ощущаем, осязаем, переживаем) не только предмет, но нам является дух. В этом смысл понятия являющегося духа, понятия, которое лежит в основе «Феноменологии духа».

[14] Кант, *Сочинения на немецком и русском языках*, т. 3, 277–733.

[15] Кант, *Сочинения на немецком и русском языках*, т. 3, 39–275.

Причем еще раз подчеркиваю: это некоторый единый образ, и многие образы. Здесь просто галерея образов. Итак, являться может не только предмет, являться может и человеческий дух. Но, вы спросите, как он является? А вот, по Гегелю, вся задача и состоит в том, чтобы понять, каким особым образом человеческий дух может нам являться.

Теперь я хочу обобщить, что именно Гегель включил в образ являющегося духа. Здесь я дам собственное подытоживание, опираясь также на современную (современную – в смысле XXI в.) гегелеведческую литературу, в частности, на очень хорошую книгу Вальтера Йешке, которую я использую. Она называется Hegel-Handbuch[16], вышла в 2003 г. Йешке – это очень известный гегелевед, который работает в Бохуме, до сих пор он возглавляет Гегелевский архив. Он один из самых лучших исследователей философии Гегеля в современном мире. Его статья[17] есть в той книге, которую я вам дала прочитать. Он приезжал в Россию, мы с ним хорошо общаемся. Если есть знатоки – знатоки деталей и знатоки целого – и настоящие теоретики современного гегелеведения, то Йешке один из них, не единственный. Вообще всё время нашего становления в философии протекало под влиянием замечательной когорты мирового гегелеведения. Это в основном, конечно, немцы, но не только – и французы, и англичане, и американцы. До сих пор у нас сохраняются деловые контакты. К таким специалистам относится и известный философ Кеннет Вестфаль, который пишет много работ о Гегеле и вообще о немецкой философии и об английской. Он американец, преподает в Германии и в Стамбуле, в Босфорском университете. Над подготовкой двуязычного собрания сочинений Канта мы работали с марбургскими кантоведами, исследователями немецкой философии, а сейчас, после смерти незабвенного Буркхарда Тушлинга, моего немецкого Mitherausgeber'а, то есть издателя, эта работа

[16] Walter Jaeschke, *Hegel-Handbuch: Leben – Werk – Schule* (Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2003).

[17] Вальтер Йешке, «Историческая история самосознания», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под ред. Н.В. Мотрошиловой (М.: Канон+, 2010), 37–46.

переместилась в город Трир. Все эти люди – гордость мирового гегелеведения. Так вот, в этой группе и Вальтер Йешке. На его книгах стоит настоящий знак качества.

Вот что Йешке говорит по поводу являющегося духа. Во-первых, это история форм индивидуального сознания, его абстрактных, чистых моментов. Во-вторых, – всеобщее, датируемое историей гештальтов сознания. Значит, берутся как бы в единстве:

1) то, что есть в качестве форм, структур индивидуального сознания, что вообще присуще индивидуальному сознанию, что от него неотъемлемо, причем трансисторически. (Такие структуры, согласно Гегелю, есть и в его время, они были и до него и, он полагает, будут и после него – и он совершенно прав, об этом мы поговорим.)

2) всеобщее, датируемое историей гештальтов сознания. Что значит датируемое? Приведу очень простой пример. Когда Гегель пишет о Просвещении, он пишет о наблюдающем разуме и делает это под образом Фауста. Можно относительно датировать время, когда люди впервые задумали, использовали, поставили перед нашими глазами, дали явиться таким гештальтам сознания. Гёте запечатлел бессмертный образ Фауста, по сути, это и есть образ являющегося духа – он является, то есть он существует. Таким образом, фаусты могут быть датируемы точно так же, как многие другие образы. И Йешке отмечает совершенно правильно, что по мере того, как Гегель пишет «Феноменологию духа», вот это первое, что он берет просто из описания индивидуального сознания, всё больше замещается гештальтами духа. В чувственном сознании это еще очень традиционно, то есть абстрактно, а вот эти исторически описываемые гештальты духа, они всё больше становятся всеобще персонифицированными. Например, мы видим Фауста, когда наблюдающий дух нам предстает, мы видим просветителей, мы видим Просвещение как образ, причем жуткий образ, не дай Бог! Здесь Гегель дал вылиться всему своему недовольству против обожаемой им Французской революции, против всего, что в Просвещении вело к искажению, страшному искажению, – он сказал: «Там головы летят, как кочаны капусты»… Эта знаменитая гильотина и ужасы Французской революции – всему этому

Гегель дал местное обозначение в паноптикуме являющегося духа. Йешке также отмечает, что Гегель подчас рисует карикатуры и склоняется к самому крайнему сарказму.

Обращу ваше внимание вот на что: когда будете читать подобные пассажи, вы убедитесь, что Гегель не пустое говорит, а действительно что-то портретирует. Тем не менее с Гегелем можно поспорить, можно сказать, что он слишком перегибает палку в карикатурности или еще в чём-то. Последующие авторы с ним спорили, например в этой книге об этом пишут и Тамара Борисовна Длугач[18], знаток французского Просвещения, и Дитер Хюнинг[19], немецкий философ, который, кстати, теперь состоит у нас в команде по изданию следующего тома двуязычного Канта. Вот Дитер Хюнинг тоже предположил, что гегелевский образ Просвещения, исторического Просвещения, получился слишком несерьезным, карикатурным, и дал свое обоснование, почему так получилось.

Вот теперь и я скажу вам, ссылаясь на замечательных авторов, в чём особенность этой картины являющегося духа у Гегеля. Это, во-первых, собирание обширной совокупности форм. Например, в работах Карла Маркса (которого я считаю выдающимся философом; что бы ни плели сейчас люди, которые Маркса не знают и не хотят его знать, он выдающийся философ, в частности он выдающийся гегелевед), собранных в «Экономическо-философских рукописях»[20], вопрос ставится широко: «Как нам быть с гегелевской диалектикой?». А нам надо как-то быть. Некоторые, конечно, стараются никак не быть с гегелевской диалектикой, то есть с ней не знакомятся, но таких людей, которые идут в философию, я лично не уважаю.

---

[18] Т.Б. Длугач, «Здравомыслие в гегелевской “Феноменологии духа”. Здравый смысл как философская культура Просвещения», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под ред. Н.В. Мотрошиловой (М.: Канон+, 2010), 367–388.

[19] Дитер Хюнинг, «Критика Гегелем Просвещения в “Феноменологии духа”», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под ред. Н.В. Мотрошиловой (М.: Канон+, 2010), 333–349.

[20] Карл Маркс, *Экономическо-философские рукописи. Апрель – август 1844 г.*, в *Из ранних произведений* (М.: Государственное издательство политической литературы, 1956).

Скажу, что, к сожалению, 80% носителей философских дипломов и философских степеней не знают Гегеля и Канта. Как это происходит, вы и сами знаете: они просто не ходят на занятия и ничего не учат, а потом получают диплом и приходят в философию. Таких примеров очень много. Но в принципе в почтенной философии (а она очень легко отделяется от непочтенной) это видно сразу же – как только человек открывает рот или начинает писать. И это тоже являющийся дух. То есть подделки под философию – это также один из образов являющегося духа.

Так вот, Маркс (он замечательно знал Гегеля и гегельянцев и учился у целой плеяды непосредственных наследников Гегеля) сказал, что Гегель собрал воедино и запер застывших духов, отчужденных в историческом процессе. Застывшие духи – это Просвещение. Именно в «Феноменологии духа» Гегель проделал эту работу: еще относительно молодой философ – хотя Гегель всегда, как вы знаете, развивался очень постепенно, медленнее, скажем, чем его гениальный собрат Шеллинг, – он взял, собрал воедино и запер застывших духов, которые были им (то есть духом) отчуждены в историческом процессе. И второе, в чём Маркс совершенно прав, – Гегель, считая это делом самой философии, собирает воедино отдельные моменты философии, которые со своей стороны суммируют отдельные моменты человеческой жизни как моменты самосознания[21]. Как именно Гегель это делает в «Феноменологии духа», мы увидим, когда будем анализировать раздел «Самосознание». Итак, первая особенность являющегося духа – это собирательская работа, собирание обширной совокупности духовных форм.

Второе, что я хотела бы отметить, – в результате у Гегеля получается картина, бесконечно далекая от чего-нибудь восторженно-сентиментального. Вы, наверняка, замечали, что люди, которые «распускают слюни» по разному поводу, очень любят говорить о духовности в таком ключе, будто бы дух, духовное – это обязательно что-то светлое, позитивное, безусловно яркое. Гегель же показывает (я уже процитирую саму себя), что бывает дух дружбы, братства – и дух предательства; дух

[21] Карл Маркс, Фридрих Энгельс, *Из ранних произведений* (М.: Государственное издательство политической литературы, 1956), 628.

рассудительности, здравомыслия – и дух бессмыслия; дух добрых деяний – и дух жестокости… И Гегель одним из первых (хотя не единственный в это время, тут можно найти множество параллелей в современной ему культуре) с большим реализмом – и, между прочим, страдая, ведь он не просто безлично это записывает, но страдает и переживает, – показывает, что может сделать дух и духовное (как будто бы духовное). Здесь кто-то мог бы возразить и сказать, что это не настоящее духовное – но это неверно, так сказать нельзя. Ведь обычно люди, делая то, что они делают, находятся в духовных областях творчества, не так ли? Полагаю, что это верно и для нашего времени. И вот бы философам заполучить сегодняшнего Гегеля, чтобы он запечатлел всё негативное в наше время: например, ястребиную, звериную, зоологическую вражду индивидов и даже народов вплоть до проявления социальной шизофрении – это опасный синдром преддверия войн и революций любого цвета. Я бы сказала, что все эти явления ждут философского фиксирования и обсуждения а-ля «Феноменология духа». Но не только это имеет место в гештальтах духа. «Феноменология духа» – это философское, гносеологическое многообразие и собирательство, здесь есть всё: и чувственное сознание, и восприятие, и понятие, и различные философские концепции. Например, уже очень скоро мы встретимся и со скептицизмом, и с философской пропагандой всесилия, грандиозности духа – всё идет в дело…

Третье, что я бы подчеркнула здесь, – это роль науки. Я об этом уже говорила в прошлый раз, вот можно посмотреть еще мою книгу[22]. Едва Гегель принимается за изображение роли науки, он говорит: всё выступает с притязаниями – наука выступает с притязаниями и с требованиями к индивиду, а индивиды выступают с притязаниями к науке, в том числе и с антинаучными. Это очень существенно и важно. Раньше философия как бы помещала эти два полюса в разные разделы. Но «Феноменология духа» соединяет то и другое. Вообще «Феноменология духа» – это драма о драме, о спорах, конфликтах,

[22] Н.В. Мотрошилова, *Путь Гегеля к «Науке логики»: формирование принципов системности и историзма* (М.: Наука, 1984), 132–133.

борьбе различных гештальтов духа: два противоположных приема здесь совмещаются и как бы сменяют друг друга по ходу изложения. С одной стороны, применяется известный и опробованный в философии на протяжении веков прием, когда философия абстрагируется от конкретной жизни людей, с другой – гештальтам духа одновременно придаются социально-исторические, психологические и даже нравственные, эмоциональные черты. Они легко узнаются, они могут быть post factum обнаружены в реальных феноменах или ярких образах литературы и искусства.

Еще одна важная особенность «Феноменологии духа» заключается в роли читателя, в роли зрителя, которую предполагает Гегель. Гегель интендирует, если выражаться феноменологическим языком, всякого заинтересованного читателя «Феноменологии духа», как бы примысливает его к этой общей картине. Если сами гештальты духа не просто изображаются, но и спорят друг с другом, вступают в борьбу не на жизнь, а на смерть, то это такая философская и духовная борьба, которая отражает противостояние в реальной истории, в реальной жизни. Фактически в теоретико-познавательной ориентации гештальты духа сосуществовали в истории, противостояли друг другу: например, философы эмпиристской ориентации боролись с теми, которые в большей степени разделяли рационалистическую ориентацию. Отсюда и возникло такое обобщение – эмпиризм и рационализм. На самом деле подобных чистых явлений никогда не было, дело обстояло гораздо сложнее, с пересечениями и переплетениями, но тем не менее борьба эта была.

Студент: Позвольте уточнить: можно ли рассматривать вот эту таблицу, которую иногда преподносят, – объективный и субъективный идеализм и материализм – как клише? Поясню. Есть автор, которого я очень люблю и уважаю, Джордж Беркли, и у меня есть скан тех времен, когда прямо так и пишут, что чтение Джорджа Беркли полезно для понимания того, как наш Ильич критиковал субъективный идеализм. Читаешь введение, потом открываешь самого Беркли и понимаешь, что Беркли так не писал. По сути, если говорить анахронизмом, Беркли был одним из первых когнитивистов, а его зачем-то

записали в субъективные идеалисты, и только потому, что есть такое клише, которое должно как-то работать.

Очень хорошее и правильное замечание. В принципе Гегель не очень подробно рассматривает все эти вещи, но он их подразумевает. Имеются не просто философские учения (как, например, учение Беркли), но есть еще историко-философские пост-, метаразмышления, когда говорится: «вот этот мыслитель – идеалист, а другой говорит по-другому – он рационалист, эмпирик». Но такие, как вы говорите, клише – и правильно говорите, это и есть клише – они отражают всё же реальные противостояния. Один автор – и это вполне нормально – не может писать обо всем, он не может разделять сразу все взгляды. Даже если он намеревается *объективно* взвесить какие-то взгляды, у него всё же есть своя позиция. От этого никуда не уйти, и это нормально. Но существуют еще и метавзгляды, и метавзгляды на метавзгляды. Например, есть Беркли, есть взгляд на Беркли в Новое время, а еще есть наш взгляд на взгляды Нового времени и так далее. Таким образом завязываются большие узлы, и для Гегеля – это тоже образы духа, образы являющегося духа. Это и подразумевал Йешке, говоря о всеобщем, датируемом историей гештальтов сознании, это и история форм отдельного сознания, и философская история – всё это собирается.

И вот, в конечном итоге накапливается большая галерея таких образов духа, какими их изобразил Гегель. Мы с вами сейчас в начале этого пути; мы будем рассматривать то, как Гегель выстраивает, например, образ разума, как он выстраивает образ духа (здесь важно заметить, что у Гегеля свое понимание привычных для нас слов: сознание, самосознание, разум, дух), и как всё это проходит через «Феноменологию духа».

Интересно, что потом, в зрелой философии, Гегель иначе расположит основание своей системы. Вспомните, что «Феноменологию» в этот период он мыслит как предпосылку системы, как введение в систему. Потом Гегель пересмотрит свои взгляды, и мы увидим почему. Я не знаю, насколько мне удалось передать особенность этого произведения, но, с моей точки зрения, в тот период ничего подобного никто не придумал. Многое, что уже было изобретено, вошло в кадр «Феноменологии духа», но вся драматургия этого произведения, его

целостность – это выдающийся подвиг Гегеля, подвиг, который его время не оценило и не поняло. И это, по-моему, сбило самого Гегеля с его мотивов, он был просто шокирован тем, как была встречена «Феноменология духа» – ее по существу оставили без внимания. И только спустя время появились новые подходы к ней, только потом ее стали открывать и переоткрывать, толковать и перетолковывать. Помните, я вам говорила о таком немецком термине в гегелеведении Sonderstellung – «особое положение», «особая позиция» – так вот «Феноменология духа» навсегда заняла это место.

Есть разделы, в которых Гегель, желая выстроить новую картину, новую оптику понимания философии, всё еще никак не может избавиться от традиционных в то время методов подхода к этому материалу. К сожалению, у нас нет времени, чтобы говорить об этом очень подробно, но я хочу показать вам, и насколько Гегель традиционен, и насколько он новатор.

«Феноменология» делится на такие разделы: A. Сознание, B. Самосознание, C. Абсолютный субъект. Первая часть раздела «Сознание» называется «Чувственная достоверность или “Это” и Мнение». Отмечу, что словом «мнение» здесь переведено немецкое das Meinen; в немецком языке есть такой глагол (meinen), но в данном случае Гегель имеет в виду существительное das Meinen. Перевести его очень трудно. Здесь имеется в виду мнение не в смысле «мнение о чём-то», а в смысле процесса полагания (именно когда мы мним, мы полагаем). Вторая часть именуется «Восприятие или вещь и иллюзия»; третья – «Сила и рассудок, явление и сверхчувственный мир».

Итак, в каком смысле Гегель в этом разделе традиционен? Типичный для Нового времени способ рассмотрения сознания – это, например, анализ чувственного сознания. Чувственное сознание легло в основание философских концепций очень многих мыслителей (их принято называть сенсуалистами). Этих философов интересовало, как человек осваивает мир с помощью своих органов чувств. Я бы сказала, что этому направлению принадлежит ровно треть истории философии XVII–XVIII вв. – французские и английские авторы сделали здесь очень много. И у Канта в «Критике чистого разума» есть раздел о чувственности, о чувственной способности. Но я не буду

сейчас углубляться в тему, насколько Гегель соглашается или в чём спорит с Кантом – это частный, конкретный вопрос.

В разделе «Сознание» Гегель рассуждает о том, как сознание осваивает чувственным образом и какие чувственные впечатления возникают. С одной стороны, перед нами раскрывается картина как будто бы в духе прежней гносеологии – вот есть предмет, и есть чувственное овладение предметом. Но с другой стороны, и в этом состоит новаторство Гегеля, – уже в первом разделе «Феноменологии» мы встречаемся с этой самой полемикой, противоборством взглядов. Чувственная достоверность – это опять-таки образ являющегося духа, то есть такое представление, которое есть *позиция* – кого? – и обычных людей, и философов и т.д. Чувственная достоверность как бы *работает*, то есть заявляет свои притязания, претензии, она что-то утверждает. Это можно назвать методом субстанциализации каких-то духовных форм.

Но как понимать то, что чувственная достоверность сомневается, что она заявляет свои притязания? Люди, которые признают примат чувственного сознания и уверены, что это есть богатейшее и наиболее полное познание, выражают тем самым определенную претензию. Получается, что это гештальт, или, говоря точнее, совокупность гештальтов сознания, – и они размышляют и действуют, на чём-то настаивают, на что-то претендуют, что-то показывают. Им самим, говорит Гегель, можно и нужно задавать вопросы, как если бы мы задавали вопросы каким-то лицам. Да, есть, конечно, конкретные индивиды, но в данном случае дело именно в том, что создается определенный общий образ сознания. Чувственная достоверность претендует на то, что она – если она представляет собой некое как бы действующее лицо («как бы» обязательно здесь: чувственная достоверность сама по себе не действует, но является *как бы* действующим лицом) – самое богатое сознание, самое достоверное познание. Почему? – потому что мы что-то видим, слышим, наблюдаем, мы здесь, мы присутствуем при этом – вот что такое чувственная достоверность. Поймите, само сочетание слов «чувственная» и «достоверность» – это и есть гештальт сознания, это и есть тот самый образ, который вдруг превращается в действующее лицо.

Но обязательно будет и второй пласт: «А что на деле?». Вот чувственная достоверность претендует на богатство сознания, претендует на то, что именно в ней – самое главное: если она что-то утверждает через какого-то человека: «Я же это видел, я же это знаю». Но уже появились люди, усомнившиеся в чувственной достоверности; уже налицо вековой спор тех, кто выступает за достоверность чувств, и тех, кто в чувствах сомневается, – и с той, и с другой стороны уже всё высказано.

Есть, между прочим, убедительные опыты. Например, американские социологи, которые исследовали установки сознания, проводили такие эксперименты: перед большой группой наблюдателей разыгрывалась какая-то сцена, например драка людей, а свидетелям предлагалось лишь *описать* то, что имело место, ничего от себя не прибавляя. Был привходящий момент: у американцев боролись цветные и белые. Вы представляете, что получилось в результате? Оказалось, что позиции разделились – сто человек сразу разделились на группы только лишь при описании одной ситуации! Так проверяли роль установок. Но даже не нужно производить подобные опыты, чтобы сказать: если чувственная достоверность – это такая позиция, когда настаивают на том, что «раз мы видим, раз мы слышим, значит, это правда», то это также и философская позиция. Так вот, у Гегеля гештальты сознания размышляют и действуют, а мы приглашаемся к опыту сознания. Каждый может провести на себе такой мысленный эксперимент: попытаться различить «мы» и «я» – в результате получается безличное «мы», инстанция «мы», некое допрашивающее, испытующее, но включается и «я», особое «я».

Короче говоря, весь этот раздельчик получается довольно полемический. Если прежняя философия обособляла эти две позиции (например, были сторонники Юма и Беркли, а были сторонники Декарта) и они были как бы разными инстанциями, то здесь, у Гегеля – всё вместе.

Далее в разделе «Сознание» идет рассуждение, которое вообще вполне коррелирует с другими работами гносеологического плана, но при этом предполагает какой-то другой угол зрения. Например, Гегель говорит: попробуйте сейчас описать клочок бумаги, который перед вами лежит. С одной стороны,

чувственная достоверность настаивает, что мы как бы владеем, распоряжаемся моментом, в котором присутствуем. С другой – если вы захотите описать этот клочок предельно точно, вы должны будете потратить на это описание всю жизнь, пока он истлеет. То есть аспект времени также осложняет дело.

Очень интересная вторая часть раздела – «Восприятие или вещь и иллюзия». В ней говорится, что когда мы фиксируем свойства или материю, то перед нами не вещь, а вещность. Вот, например, мы говорим, что такое соль: это белый цвет – то есть вещность, свойство – кристаллы кубической формы, острые на вкус, их очень много, они простые, из них мы составляем образ общего. Есть разница между единством и различиями, свойствами. Гегель говорит о восприятии (по-немецки Wahrnehmung). Тут важно, что первая часть слова, Wahr, – это «истинное», вторая – Nehmung – «взятие», то есть как мы берем. Так вот, если мы воспринимаем конкретную вещь, мы воспринимаем ее как будто именно так, как она есть. Но уже доказано Гегелем и до Гегеля, что на самом деле в таком представлении много заблуждений. И у Гегеля здесь, пока он работает на гносеологическом уровне, намечается (это очень хорошо фиксирует Куно Фишер), что в восприятии есть такой аспект, как *восприятие моментов*. Восприятие берет моменты в некоторой всеобщности, в общности. Когда перечисляется безразличная пассивная всеобщность, то есть перечень многих свойств, когда говорится «также» (это белый цвет, а также кубическая форма, а также острый вкус), это всё различные материи, но в то же время это есть *одно*, то есть исключение противоположных свойств.

Диалектика восприятия подразумевает многозначимость свойств и также является действием сознания. Здесь впервые появляется очень важное, типично гегелевское понятие aufheben[23],

[23] Глагол aufheben действительно удачная находка Гегеля для описания принципа философского познания, задачей которого является раскрытие смысла целостности реальности как процесса развития. Глагол aufheben имеет три значения: 1) отменять или отрицать; 2) прятать или скрывать; 3) возвышать или поднимать, возводить на более высокую степень. В предисловии к «Феноменологии духа» есть хрестоматийное описание такого процесса

что означает «снимать», «снятие». На уровне чувственной достоверности восприятие что-то отрицает, то есть отбрасывает в сторону, что-то оно понимает на уровне сохранения, вместе с тем происходит снятие в чём-то новом – то есть в чувственной достоверности мы воспринимаем и данную вещь, и мы как бы ее отрицаем (потому что не только она, например, белая), в то же время сохраняем ее и возвышаем. Что значит, что восприятие осуществляет снятие? Это значит, что восприятие выделяет вещь, но вместе с тем оно выделяет некие свойства, которые эта вещь презентирует в восприятии. Получается, что восприятие – это не чисто чувственное познание, но такое познание, которое уже открывает путь к абстракциям, к отношению между вещностью и более сложными свойствами.

Так Гегель рассматривает чувственную достоверность: чувственная единичность, говорит Гегель, «исчезает в диалектическом движении непосредственной достоверности и становится всеобщностью, но только *чувственной всеобщностью*»[24]. Чувственная достоверность – это обнаружение процесса движения к некоему всеобщему (например, есть всеобщее «белые вещи», «сладкие вещи» и т.д.), но это всеобщность *чувственная*. Еще раз говорю, что и в этом рассмотрении у Гегеля сплетаются и традиционные моменты анализа, и моменты, относящиеся именно к феноменологии духа. Об этом есть много литературы,

---

«снятия», иллюстрирующее прогрессивное развитие истины и демонстрирующее соотношение между моментами одного развивающегося целого – на примере почки, цветка и плода. Когда почка лопается и распускается цветок, происходит как бы отмена почки. Но это такая отмена, которая не отбросила почку (как если бы ее и не было), но сохранила ее в цветке в снятой, видоизмененной форме. То, что было в почке, развернулось в цветок, сохранившись в нем в скрытом виде, и тем самым одновременно было возведено на более высокий, истинный уровень (в определенном смысле цветок есть нечто большее, чем почка, которая бы осталась только почкой). То же справедливо и в случае соотношения цветка и плода. Таким образом, почка через опосредование становится плодом, который сам теперь может стать началом нового движения. Так Гегель показывает, что стадии развития не опровергают друг друга своим наличием, но, взятые вместе, составляют целое, являясь его необходимыми моментами. – *Примеч. Е.М.*

[24] Гегель, *Феноменология духа* (2000), 70.

например вышеупомянутый Кеннет Вестфаль подробно рассмотрел тему чувственной достоверности и дал интересный анализ.

Гегель говорит (и это очень важно), что это маленькое рассуждение о чувственной достоверности должно двигать наше познание вперед к тому, чтобы опять вывести его на уровень феноменов или явлений духа. Таким образом Гегель переходит к изображению царства рассудка. Что писали о рассудке предшествующие философы, например Кант? Мы с вами уже говорили, Кант рассматривает особую способность, которая неслучайно коррелируется с вопросом о чистом естествознании, – это способность рассуждать, строить суждения, оспаривать суждения и т.д. То есть у Канта всё движется в абстрактной логико-гносеологической плоскости. И вдруг Гегель, когда он пишет о рассудке, употребляет уже совсем другие образы и понятия. Гегель спрашивает: что такое царство рассудка? Во-первых, это содержание чувственной достоверности, нечто абсолютно единичное, например «это», «теперь», «это здесь». Но Гегель также показывает, что «это» – единичное – есть нечто колеблющееся. Когда мы говорим «это здесь», мы говорим о каком-то мгновении. Например, когда мы говорим «это день», что мы имеем в виду – мгновение, 24 часа, несколько часов, определенное время? Нечто есть здесь, но «здесь», взятое по отношению к другому, принимает уже совсем иное значение. Другими словами, единичное всегда уступает место какому-то всеобщему.

Что касается рассудка, еще раз повторю, это не случайно, что мысли наши обращаются здесь к кантовской «Критике чистого разума», к сфере чистого естествознания: мы, вслед за Кантом, спрашиваем, как возможно чистое естествознание, как возможна, следовательно, способность суждения и так далее. Гегель предлагает совершенно новый подход. Вы не узна́ете рассудка, каким его здесь изображает Гегель, – это царство силы. Эта сила – Kraft – поясняется на в то время очень новом и таинственном примере. Гегель говорит не об индивидуальной способности рассуждать (каждый человек в нормальном здравом уме может рассуждать), но о том, что есть нечто, что располагается как бы на уровне общечеловеческого, духовного. Здесь Гегелю приходится пояснять, что у него значит слово

«сила». Лучшим примером для этого становится электричество, тогда еще совершенно новая вещь. Гегель таким образом показывает таинственность и непривычность, вообще говоря, и фундаментальность того, с чем работает естествознание. Естествознание превращает, согласно Гегелю, явления, с которыми имеет дело, в некие духовно всеобщие силы. Как это объясняется на примере электричества (это будет справедливо и в отношении электромагнитных, атомных и каких угодно явлений)? Сейчас мы как будто знаем, что есть электричество, а в эпоху Гегеля об этом знали совсем мало, это было чем-то таинственным и потому влекущим.

Итак, как и что именно мы, то есть обычные люди, не работающие с электричеством, знаем о нём? Знаем ли мы вообще что-нибудь об электричестве? Конечно, знаем. Знаем ли мы об электрических приборах? Конечно, знаем. Некоторые знают на хорошем техническом уровне, но вот я, например, ничего об этом не знаю, кроме каких-то обрывочных сведений, которые у меня сохранились со школьных лет. И очень многие люди пребывают на таком уровне знаний – когда в детстве их учат не совать пальчик в розетку, правильно обращаться с выключателями и т.п., – и на этом уровне практических навыков их знание заканчивается. Но что такое электричество? В широком смысле это сила. Вот сила – это то обозначение, которое как бы предстает рассудку. Рассудок разлагает эту силу, рассудок описывает ее. В виде научного рассудка он ухватывает какую-то ее сторону, ну, скажем, электрический ток, и спрашивает, течет ток или нет, если да, то как? Вот это уже колоссальная абстракция, абстракция силы, потому что можно описать тысячами конкретных способов саму теорию электричества, но для нас, для рассудка человеческого – это некая таинственная, неведомая сила, с которой надо считаться, плюс наши конкретные знания о том, как с этим обращаться, не более. Гегель хочет сказать, что подобным образом дело обстоит с самыми разными явлениями, поскольку они уже присутствуют в жизни человека и поскольку наука их как-то назвала, как-то обозначила и занимается ими. Вот смотрите, что такое атомная энергия для нас? Для нас с вами атомная энергия и есть такая большая безличная сила, в которой есть различные стороны, есть какие-то

составляющие. Наука объясняет их, но для большинства людей – это именно такая сила, что-то неведомое, что-то воедино собирающееся, но каким-то образом присутствующее в жизни. Вот, по Гегелю, рассудок и имеет дело с такими силами, коль скоро речь идет о науке. А вспомните, что в «Феноменологии духа» постоянно имеется в виду эта цель: мы восходим по ступеням к научному познанию.

Дальше делается тот самый шаг, который и привлек огромное внимание к «Феноменологии духа». Шаг этот по-настоящему не имеет прецедентов в развитых теориях Нового времени, которые сплошь и рядом говорят о самосознании. Самосознание – это гносеологическая, логическая область. Вся немецкая классическая философия посвящена также и этому сюжету. Идея самосознания есть у Канта – трансцендентальное единство апперцепции. Гносеологически, научно – это важнейшая реальность, она состоит в следующем: необходимо, говорит Кант, чтобы Я, сознание Я, сопровождало все мои представления. Что это значит? Если я нормальный человек (то есть если у меня нет каких-то нарушений в отношении осознания себя и мира), то не будет познания, как и не будет его результата, если я не сохраню свое тождество на протяжении некоторого процесса. Нам, конечно, не нужно всё время говорить: «А, это я, я здесь», но теоретически это очень важно. Между прочим, ответственность человека перед самим собой, перед другими людьми связана именно с трансцендентальным единством апперцепции – потому что если человек перестает сам себя осознавать, то он болен и от него можно ожидать что угодно. Но раздел «Самосознание» у Гегеля – это мир совсем других образов: в нём обсуждаются не индивиды, которые с собой справляются или не справляются, а такие сюжеты, как, например, господство и рабство. То есть самосознание у Гегеля – это опять-таки пространство для рассмотрения общественно-исторических явлений. Но на каком уровне? На трансисторическом. То есть если Гегель зовет нас обсуждать тему господства и рабства, то мы вступаем в область истории как таковой, а не только того периода, когда были рабы и рабовладельцы. Кстати, в оригинале используется слово Knecht – это не раб, а слуга, зависимое лицо. Гегель тем самым как бы говорит: да, конечно, это

можно отнести к эпохе рабовладения, но это относится также и ко всем эпохам, когда один человек зависит, сильно и основательно, от другого. Но это лишь одна из черт раздела «Самосознание», который мы обсудим в следующий раз.

Список литературы / References

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. *Феноменология духа*. Перевод Г.Г. Шпета. М.: Соцэкгиз, 1959.

(Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. *Phänomenologie des Geistes*. Übersetzt von Gustav Speth. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1959 (in Russian)).

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. *Феноменология духа*. Перевод Г.Г. Шпета, под редакцией М.Ф. Быковой. М.: Наука, 2000.

(Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. *Phänomenologie des Geistes*. Übersetzt von Gustav Speth, Herausgegeben von M.F. Bykova. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian)).

Длугач, Т.Б. «Здравомыслие в гегелевской “Феноменологии духа”. Здравый смысл как философская культура Просвещения», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под редакцией Н.В. Мотрошиловой, 367–388. М.: Канон+, 2010.

(Dlugatch, T.B. [«Sanity in Hegel’s “Phenomenology of Spirit”. Common Sense as a Philosophical Culture of the Enlightenment»]. *[Hegel’s* Phänomenologie des Geistes *in the Context of Hegel’s Study Today]*, edited by Nelly V. Motroshilova, 367–388. Moscow: Kanon+ Publ., 2010 (in Russian)).

Зандкаулен, Бригит. «Гегелевская концепция Bildung в “Феноменологии духа”», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под редакцией Н.В. Мотрошиловой, 389–410. М.: Канон+, 2010.

(Sandkaulen, Birgit. [«The Hegelian Concept of Bildung in the “Phenomenology of Spirit”»]. In [*Hegel’s* Phänomenologie des Geistes *in the Context of Hegel’s Study Today*], edited by Nelly V. Motroshilova, 389–410. Moscow: Kanon+, 2010 (in Russian)).)

Йешке, Вальтер. «Историческая история самосознания», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под редакцией Н.В. Мотрошиловой, 37–46. М.: Канон+, 2010.

(Jaeschke, Walter. [«The Historical History of Self-awareness»]. In [*Hegel’s* Phänomenologie des Geistes *in the Context of Hegel’s Study Today*],

edited by Nelly V. Motroshilova, 37–46. Moscow: Kanon+ Publ., 2010 (in Russian)).

Кант, Иммануил. *Сочинения на немецком и русском языках*. Под редакцией Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. 5 т. М.: Ками; Наука; Московский философский фонд; Канон+, 1993–2019.

(Kant, Immanuel. *Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Herausgegeben von Nelly Motroschilova und Burkhardt Tuschling. 5 Bde. Moskau: Kami Verlag, Nauka Verlag, Moskovskij filosofskij fond Verlag, Kanon+ Verlag, 1993–2019 (in Russian and German)).

Маркс, Карл. *Экономическо-философские рукописи. Апрель – август 1844 г.* В *Из ранних произведений*, 517–642. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.

(Marx, Karl. «Ökonomisch-philosophischen Manuskripte aus dem Jahre 1844». In [*Aus frühen Werken*], 517–642. Moskau: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoj literatury Verlag, 1956 (in Russian)).

Марчукова, Е.С. «Размышления о философском поколении как вид духовной практики». В *Философские поколения*, 1178–1186. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2022.

(Marchukova, E.S., «Reflections on Philosophical Generation as a Type of Spiritual Practice». [*Philosophical Generations*], 1178–1186. Moscow: LRC Publ., 2022 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Путь Гегеля к «Науке логики»: формирование принципов системности и историзма*. М.: Наука, 1984.

(Motroshilova, Nelly V. [*Hegel's Path to the* Science of Logic. *The Formation of the Systematic and Historicist Principles*]. Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В., ред. *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*. М.: Канон+, 2010.

(Motroshilova, Nelly V., ed. [*Hegel's* Phänomenologie des Geistes *in the Context of Hegel's Study Today*] Moscow: Kanon+ Publ., 2010 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. «Предисловие». В *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под редакцией Н.В. Мотрошиловой, 3–33. М.: Канон+, 2010.

(Motroshilova, Nelly V. [«Foreword»]. In [*Hegel's* Phänomenologie des Geistes *in the Context of Hegel's Study Today*], edited by Nelly V. Motroshilova, 3–33. Moscow: Kanon+ Publ., 2010 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. «Гегель, "Феноменология духа". Лекция первая». *Вопросы философии*, № 2, (2022): 13–24.

(Motroshilova, Nelly V. [«Hegel, “Phenomenology of Spirit”. Lection one»]. *Voprosy Filosofii*, No. 2, (2022): 13–24 (in Russian)).

Хюнинг, Дитер. «Критика Гегелем Просвещения в “Феноменологии духа”», в *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения*, под редакцией Н.В. Мотрошиловой, 333–349. М.: Канон+, 2010.

(Hüning, Dieter. [«Hegel’s Criticism of the Enlightenment in the “Phenomenology of Spirit”»]. In [*Hegel’s* Phänomenologie des Geistes *in the Context of Hegel’s Study Today*], edited by Nelly V. Motroshilova, 333–349. Moscow: Kanon+ Publ., 2010 (in Russian)).

Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. *Differenz des Fichte’schen und Schelling’schen Systems der Philosophie*. Jena: Akademische Buchhandlung bey Seidler, 1801.

Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. «Phänomenologie des Geistes». In *Gesammelte Werke*. Bd. 9. Herausgegeben von Wolfgang Bonsiepen, Reinhard Heede. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1980.

Jaeschke, Walter. *Hegel-Handbuch: Leben – Werk – Schule*. Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2003.